

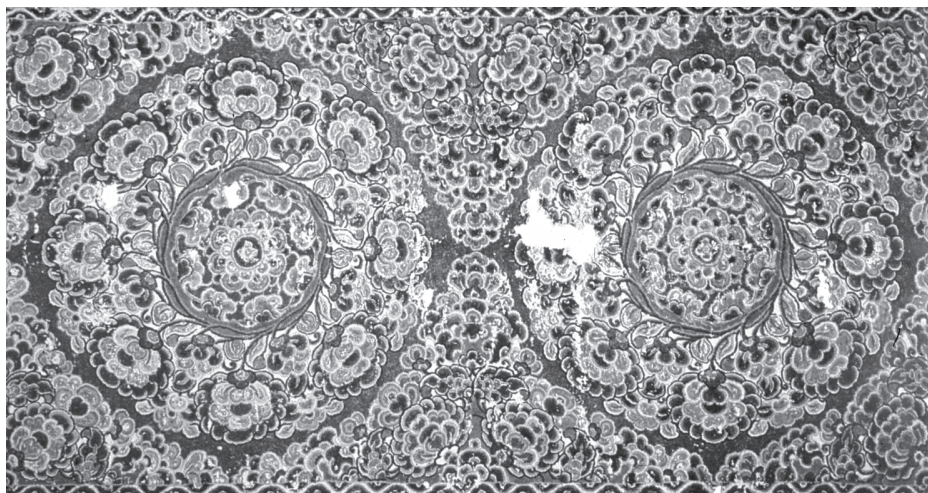
Е.Г. Царева

ВОЙЛОКИ ЕВРАЗИИ

Предлагаемая статья является попыткой нарисовать в самом общем виде картину возникновения и развития искусства войлоковаления в Евразии с момента его фиксации археологическими памятниками и до настоящего времени. Основное внимание в обзоре уделено выявлению временных и территориальных особенностей войлочного производства, главными носителями которого было оседлоземледельческо-скотоводческое население Западной Азии, кочевые цивилизации степи и создатели европейской традиции. Следует оговориться, что выделение трех названных групп достаточно условно и применимо главным образом к ранним этапам освоения принципа войлоковаления.

Интерес к теме был инициирован частным случаем, а именно — попыткой выяснить происхождение войлоков из Дома Сокровищ Сёсе-ин в Наре. Последние были подарены знаменитому храму в 787 г. императрицей в числе других драгоценных подношений и традиционно считались китайскими [Cole 1993: 76, ill. 4; Kaneo1984].

Принятая атрибуция, однако, вызывает определенные возражения, особенно в свете археологических находок из Восточного Туркестана. Поиски литературы по теме дали крайне неудовлетворительный результат, поскольку выяснилось, что войлоки являются едва ли не самым скудно



Войлок постилочный. Техника вкатывания. VIII в. н.э., Восточный Туркестан (?). Сокровищница Сё-се ин из Нары.

© Е.Г. Царева, 2006

изученным направлением истории орнаментированного текстиля¹. Данное обстоятельство выглядит особенно странным, если вспомнить о несравненных художественных качествах войлоков и их исключительной роли в формировании кочевых культур Центральной Азии. Дальнейшая работа над темой потребовала обращения к широкому кругу источников: археологических и этнографических вещевых, изобразительных, письменных, данных лингвистики — и заняла не один год. Полученные выводы были доложены на IX Конференции по восточному ковроделию (Милан, 1999), а затем оформлены в предлагаемую публикацию. Большой объем рассматриваемого материала при его ограниченности рамками статьи обусловил несколько «телеграфный» стиль изложения, за что приношу извинения читателям.

Для начала несколько слов о терминологии. Вслед за многими историками культуры, мнение которых наиболее четко сформулировано Элизабет Барбер [Barber 1991: 5, index p. 441], я отношу войлоки к категории текстиля. Названный термин происходит от латинского *texere* («ткать») и должен означать собственно ткани. В настоящее время, однако, в понятие «текстиль» включаются все типы артефактов, материалом изготовления которых являются волокна растительного либо животного происхождения. Последние могут быть оформлены в нить (ткани, трикотаж и пр.) либо использоваться в массе (войлоки, тапа) и пр.² Существует несколько причин для такого объединения, к важнейшим из них относятся: функциональная близость ряда текстильных изделий вне зависимости от техники их исполнения (ковровые, одежда); а также близость внешнего вида некоторых текстильных предметов с разными структурами, особенно полувойлоков, т.е. изделий, выполненных в техниках, переходных от тканей к войлокам (и наоборот)³.

Принцип войлоковаления основан на способности шерстяных волокон сцепляться друг с другом при помощи покрывающих их поверхность чешуек в процессе прессовки, трения и скатывания (валяния). Свойство шерстяных волокон к сцеплению используется и при прядении, разница состоит в подходе к материалу: в одном случае волокна шерсти вытягивают и соединяют в нить, в другом — работают с волокном как с массой. Процесс валяния убыстряется и приводит к лучшим результатам при обработке волокна горячей водой или паром, что, впрочем, хорошо описано в этнографической литературе [Антипина 1979; Жданко 1958; Каралькин 1970; Муканов 1981; Студенецкая 1976: 202–221; Andrews 1971; Kanali 1966].

Использующийся в русском языке термин «войлок» (от глагола «валить») аналогично греческому *pilein* непосредственно описывает технологию производства этого типа текстиля [Barber 1991: 276].

¹ Ранний период войлоковаления наиболее подробно описан у Элизабет Барбер [Barber 1991]. Бесценные сведения по истории войлоковаления у народов Востока в домонгольский период собраны Р. Саержентом [Serjeant 1972] и в Материалах по истории Туркмении и туркмен. Хороший обзор литературы по средневековью и последующим периодам представлен в работе Ирэны Турнау [Turnau 1997]. См. также: [Az Elso Magyar...; The International Study Camp...].

² К категории текстильных относятся также артефакты, изготовленные из прутьев, стеблей растений и других органических материалов, включая перья, паутину и пр.

³ В русском языке полотна такого рода часто называют сукном вне зависимости от того, войлок это с введенными в его структуру нитями либо подвалянная после изготовления ткань.

Данные глаголы, однако, представляются более поздними по сравнению с другой группой индоевропейских корней, указывающих на первичную функцию войлоков как постилочных изделий. Так, персидский термин *namad* — войлок — восходит к древнеиранскому и восточно-кавказскому корням NEI- и NAS-/NES-, означающим «тростник», а также «сплетенный из прутьев, тростника [коврик]»⁴, что указывает именно на постилочную функцию войлочных изделий. Последние, видимо, заменили собой тростниковые циновки в быту скотоводческого населения Евразии, однако сохранили традиционное для плетеных постилок название. Поскольку речь зашла о термине *namad*, следует сказать, что в древности он имел очень широкое распространение и был воспринят, видимо, вместе с техникой, соседними с иранцами народами. Таким заимствованием, например, являются арабские *anmat, labad/labud*, получившие названное звучание в соответствии с фонетическими законами арабского языка⁵.

Изначальная значимость войлока именно как напольного покрытия закрепилась во многих языках на понятийном уровне. Так, говоря «войлок», и европейцы, и жители Азии имеют в виду, как правило, постилочные коврики прямоугольной формы. Существует очень небольшое число производных от глагола «валять», использующихся в качестве названий определенных материальных объектов. Так, в русском языке существительное «валенки» применяется для обозначения войлочных зимних сапог; в греческом *pileta* и в персидском *kuloh* — наименование войлочной шапки; названия большей части валяных либо сделанных из войлоков изделий не столь дифференцированы и состоят из назывного существительного в сочетании с определением «войлочный»: войлочная сумка, войлочные покрывала и пр.

Валяные полотнища могут иметь разную толщину, мягкость и размер в зависимости от назначения будущего предмета. Самые тонкие войлоки используются как головные покрывала, в то время как наиболее толстые и жесткие — для внутренней обшивки лодок, изготовления воинских доспехов и пр. Методом усиления войлочной фактуры являются приемы сшивания и стёжки. Вид полотнищ и приемы их обработки являются до определенной степени этно- и культуромаркирующими признаками, однако наибольшие различия просматриваются в манере декорирования войлочных изделий. Войлоки могут украшаться несколькими способами:

1) вкатывание, вваливание узора. Этот, на первый взгляд, простейший и, несомненно, самый «живописный» прием требует высоких профессиональных навыков исполнения, особенно при создании сложных многочастных композиций;

2) аппликация. Выполняется способом нашивания элементов декора на войлочную основу; при этом декорирующие детали могут быть вырезаны из войлока, ткани, кожи и пр.;

⁴ Самое раннее употребление корня в терминах *nemato* и *nemata* выявлено в Авесте, Яшт 14,55, в значении «циновка», «тростниковая циновка» [Авеста 1990: 106, 159].

⁵ Частные сведения из дискуссии с М.Н. Боголюбовым и И.М. Стеблин-Каменским.



Фрагмент войлочного занавеса. III в. до н.э. Пятый Пазырыкский курган, Алтай.
Техника аппликации «войлок по войлоку». Собрание Государственного Эрмитажа.



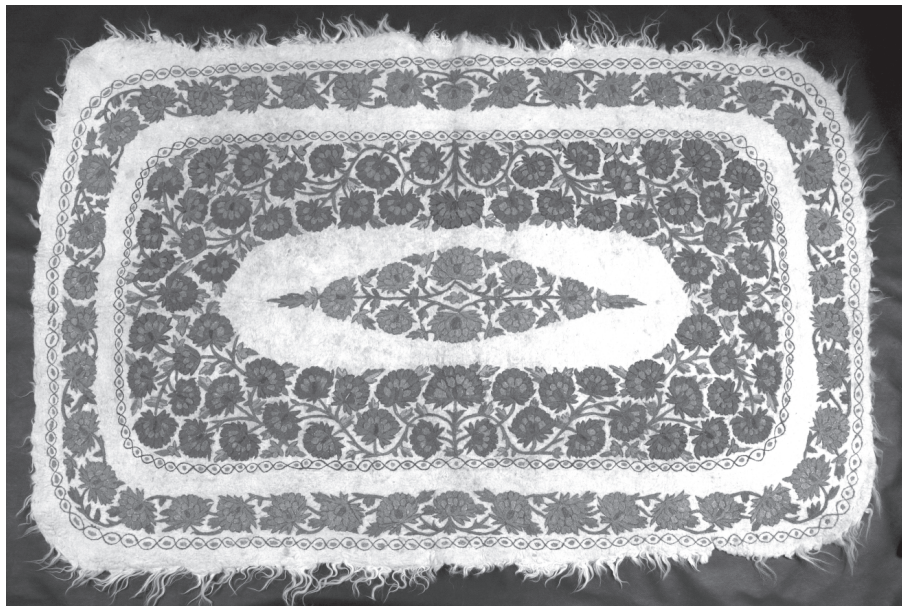
Деталь войлочного ковра. Аппликация со стежкой.
I в. н.э. Ноин-Ула, Северная Монголия. Собрание Государственного Эрмитажа.



Ковер войлочный. Деталь. Мозаичная техника.
Киргизы, Киргизия. МАЭ. Колл. № 410-18.



Головной убор невесты «саукеле».
 Войлок, крытый бархатом и украшенный нашивными бляшками.
 Казахи, Казахстан. XVIII–XIX вв. МАЭ. Колл. № 439–21.



Войлочный ковер. Вышивка тамбурным швом. 1-я половина XX в.
Кашмир [МАЭ. Колл. № 3018-2].



Сапоги валяные. Роспись минеральными красками.
Монголы, Монголия. МАЭ. Колл. № 6396-5/а, б.

3) мозаика, также называемая инкрустацией. Декорируемая поверхность создается сшиванием дополняющих друг друга элементов узора;

4) мозаичный метод часто сочетается со стежкой и оконтуриванием (шнуром, нитью), которые могут применяться и как самостоятельные декоробразующие приемы;

5) вышивка. Часто служит дополнением, хотя может быть и основным декорирующим элементом;

6) встречаются украшения в виде нашитых бус, раковин, монет и пр.;

7) крайне редким и, видимо, архаичным является способ росписи и набивания узора по войлоку.

Ранний период

В отличие от прядения и нитеобразования, прослеживающихся по меньшей мере с 20 тыс. до н.э., принцип войлоковаления распространился в Евразии исторически поздно и на весьма ограниченной территории⁶. Можно предположить, что момент широкого освоения принципа войлоковаления не может превосходить время выведения овцы шерстяной породы, поскольку кемп дикой овцы крайне слабо поддается валянию и, кроме того, не дает сколько-нибудь значительного объема волокна. Данное обстоятельство обусловлено тем, что для изготовления войлоков, скажем, для одной юрты нужна шерсть 190 овец⁷. Содержание такого количества животных требует организации их в отары, а также наличия в хозяйстве собак и верховых коней, без помощи которых трудно управлять большими стадами. И хотя одомашнивание овцы фиксируется IX–VIII тыс. до н.э. (территория Иранского плато), а собаки — еще ранее, сочетание всех трех условий становится возможным лишь после domestikации лошади, т.е. в период между V–IV тыс. до н.э. [Burkett 1977: 113; Laufer 1930: 1–2].

Если вероятное время распространения техники войлоковаления просчитывается достаточно точно, то территорию ее появления идентифицировать крайне сложно, если вообще возможно. Местом выведения овцы шерстяной породы считается Иранское плато, и мы имеем основания полагать, что эта зона была также одной из начальных точек освоения техники валяния, во всяком случае в варианте декоробразования способом вкатывания. Однако вне зависимости от места возникновения способ валяния распространился главным образом у тех народов, для которых овцеводство стало важнейшим и широко практикуемым занятием.

Первые временные свидетельства существования войлоковаления обнаружены в Анатолии и в памятниках древнего Шумера, т.е. на землях к

⁶ Важно упомянуть, что Новый Свет не использовал технику валяния шерсти, во всяком случае у нас нет свидетельств существования ее на территории Америки. Возможно, континент заселялся до того, как евразийцы обнаружили принцип валяния, либо теми группами азиатов, которые жили на «безвойлочных» территориях; в число последних, например, входят страны Тихоокеанского побережья.

⁷ Для изготовления одного небольшого коврика требуется 4–5 кг шерсти; набор покрывшек юрты весит около 130 кг, для чего необходимо остричь, как уже сказано, 190 овец [Gerver 1974: 15].

северо-западу и к югу от Иранского плато. Самые ранние бесспорные собственно войлоки⁸ найдены в Центральной Анатолии, они датируются серединой III тыс. до н.э., происходят из «горизонта сокровищ» Бейджисултана и связываются с культурой пришедших с севера степных индоевропейцев. Даже плохо сохранившиеся бейджисултанские фрагменты позволяют увидеть окрашенные полотнища со следами вкатанных узоров [Lloyd and Mellaart 1962].

Прямыми продолжателями анатолийской традиции войлоковаления могут считаться создатели гигантских царских тумулусов VIII в. до н.э., также пришедшие с севера. Несмотря на огромный временной разрыв, фригийские войлоки выполнены в сходном с бейджисултанскими находками каноне. Так, знаменитый царский курган в Гордионе хранил войлоки с вкатанными узорами, а также изделия, в структуру которых были введены редкие шерстяные нити [Bellinger 1962: 4–16; Young 1958: 139–150].

Население Анатолии практикует активное войлоковаление и в настоящее время, что обусловливается природными и культурно-хозяйственными особенностями региона. Данные археологии и исторической лингвистики свидетельствуют о длительности и стабильности традиции декорирования войлоков методом вкатывания у малоазийских и иранских народов, как оседлых, так и кочевых.

Как уже говорилось выше, у нас нет ранних археологических войлоков с территории собственно Ирана, однако многочисленные нарративные и изобразительные источники ахеменидского периода демонстрируют широкое распространение войлоков в разных слоях иранского общества, в том числе и традицию их использования в культовой практике зороастризма. Одним из самых известных литературных сюжетов с упоминанием войлоков является рассказ о похоронах Александра Македонского (324 г. до н.э.), погребальный костер которого был накрыт красным войлоком, «согласно персидской традиции» [Burkett 1979: 8–19]⁹.

Однако, наверное, самым известным войлочным атрибутом иранской материальной культуры были шапки *kulah*, впервые описанные Геродотом в V в. до н.э. и часто встречающиеся на памятниках иранского изобразительного искусства, в частности на золотых пластинах Амударьинского клада [Амударьинский клад 1979: 7, 19, 48].

Родственные знаменитым скифским колпакам кулахи тысячелетиями служили особым маркером социального статуса их владельцев в иранском обществе и доныне являются неотъемлемой частью одежды монахов-дервишей.

Иной была валяльная традиция, практиковавшаяся в III–II тыс. до н.э. шумерами. Жители болотистой дельты Тигра и Евфрата оставили много-

⁸ В ряде источников предположительно наиболее древними называются фрагменты из Чатал Хююк, датирующиеся VI тыс. до н.э. [Mellaart 1966: 165–191]. Следует, однако, подчеркнуть, что Меллаарт не публикует эти фрагменты и не приводит какие-либо подробности их структуры. В связи с этим у исследователей текстиля есть большие сомнения в том, что названные фрагменты являются собственно войлоками, а не тканями, спрессованными под воздействием времени и почвенных вод. Определенный итог дискуссии подводит Элизабет Барбер [Barber 1991: 25.].

⁹ Приведенные Буркеттом сведения не подтверждены ссылкой на источник. Более того, сама идея погребального костра противоречит зороастрийскому погребальному обряду, поэтому представляется, что Буркетт пользовался либо неточным переводом, либо текстом, искаженным переписчиками.



Рельеф с изображением перса в кулохе.
Персеполис, Иран. Ахеменидский период. Фотоархив МАЭ.



Дервиш в колпаке кулох. Персы, Иран. Начало XX в. МАЭ. Колл. № И 2471–25.

численные лингвистические и материальные свидетельства существования у них собственно войлоков (tug-du-a) и длинноворсовых полувойлоков, изготавливавшихся как из овечьей, так и из козьей шерсти [Steinkeller 1980: 79–100].

Последние использовались для изготовления одежды, по всей видимости, того типа, что представлен на многочисленных шумерских росписях, статуэтках и металлических фигурках, обнаруженных на огромных пространствах Древнего мира — от Маргуша (современный Туркменистан) до собственно Ура. Письменные документы описывают также активные контакты шумеров с далекими северными странами, в частности, торговлю шерстью и шерстяными тканями с Малой Азией и Закавказьем. Шумерская цивилизация угасла, но некоторые из выработанных ею технологий были восприняты и сохранены населением Циркумпонтийской зоны. Именно на этих территориях и поныне изготавливаются длинноворсовые подвальные полуткани в виде коротких накидок (закарпатские «гуни») и небольших ковриков (турецкие «филикли», закарпатские «лижники») [Hirsch 1991: 104–111, ill. 2].

Дальнейшее распространение искусства войлокования в Азии происходило в восточном направлении и связано с территориями обитания



Навершие серебряной булавки в виде сидящей женщины, одетой в шумерское платье из ткани «филикли». Маргиана, Гонур. Эпоха бронзы [Сарианиди 2002: 231].

ираноязычных земледельческих и скотоводческих племен. Самые древние из известных нам «восточных» войлоков происходят из небольших поселений долины реки Тарим¹⁰ и датируются временем около 1000 г. до н.э. Уникальность таримских находок заключается в большом количестве разновременных артефактов, составляющих достаточно «плотный» ряд длинной в три тысячелетия и демонстрирующей чистоту локальной традиции. Последнее стало возможным благодаря особенностям географии и истории района: изолированно расположенный бассейн реки Тарим и прилегающие к нему ныне пустынные земли стали своего рода заповедником, европеоидное население которого сохранило некоторые черты одной из древнейших протоиранских цивилизаций Центральной Азии. Стабильность традиции была такова, что еще в III в. до н.э. жители маленького государства Шаншан (Крорайна) на границе с Хотаном продолжали говорить и писать на пракрыте. Именно они оставили первое упоминание о войлоках, называя их *namatae (numdah)* [Barber 1999]; варианты термина в виде уже упоминавшихся иранского *namat* и арабского *anmat* по-прежнему употребляются для обозначения войлоков во многих странах Востока. Археологические войлоки Синьцзяна, во всяком случае те, которые я знаю по публикациям, украшены в технике вкатывания либо представляют собой неокрашенные полотнища белого цвета¹¹, т.е. являются яркими представителями анатолийско-иранской линии войлоковаления.

С VIII–IX вв. до н.э. в Евразии начинается расцвет культуры ранних кочевников, часто называемых общим термином «скифы». Племена скифского типа, расселившиеся по всей протяженности Великого степного коридора — от Северного Причерноморья до высокогорий Тувы и Алтая — широко использовали войлок в быту. Древнегреческие, римские и персидские авторы описывают их как ираноговорящие племена, ведущие иногда земледельческое, но чаще скотоводческое хозяйство. Последние живут в войлочных шатрах и носят войлочные шапки, кафтаны и пр. Наиболее интересные сведения мы находим у Геродота и Страбона [Herodotus; Strabo], информация которых подтверждается вещественными находками (Аржан–1) [Грязнов 1980], но в еще большей степени — многочисленными изображениями на бактрийских, греческих и скифских золотых предметах, ахеменидских рельефах и глиптике [Луконин 1977: 75, 88].

Сами греки умели изготавливать собственно войлоки и применяли их как подкладки к воинскому снаряжению. Возможно, самое раннее упоминание войлочного подшлемника мы находим в Илиаде, в рассказе о том, как Одиссей одолжил шлем у своего друга Меронеса [Homer: 260–71]. Однако в I тыс. до н.э. жители Пелопоннеса чаще использовали подвальянные ткани (полувойлоки), из которых шили водонепроницаемую одежду типа бурок и разного рода накидки. Страбон рассказывает, что в римское время войлочная одежда рассматривалась как атрибут костюма нижних классов; технологический процесс описан у Плиния (78 г. н.э.) [Pliny 8] и прекрасно

¹⁰ В настоящее время — Уйгурская Автономия КНР; войлоки хранятся в музее города Урумчи, столицы района.

¹¹ Самый ранний из известных таримских войлоков украшен узором в сине-коричневую клетку; известны также полосатые и чисто белые войлоки разного назначения: от постылок и частей упряжи до предметов одежды, включая чулки [Mallory and Mair 2000; Archaeological Treasures of the Silk Road 1999].



Жилет суконный, расшит галуном. Турки, Турция. Начало XX в.
МАЭ. Колл. № 7017–9.

иллюстрируется изображением войлоковаляльной мастерской, обнаруженной на одной из фресок Помпеи (до 79 г. н.э.) [Wild 1970, fig. 52].

История войлоковаляния в Европе, однако, начинается гораздо раньше: первые вещественные находки с территории северной части континента датируются II тыс. до н.э. и связаны главным образом с культурой строителей *burial mound* Германии, Голландии и Скандинавии. Началом I тыс. до н.э. датируются войлоки, найденные в хальштадтских поселениях Центральной Европы [Hundt 1959: 145–46; 1961; 1962: 209]. Имеющиеся материалы показывают, что не только древние греки, но и все европейцы в целом предпочитали валяные ткани и трикотаж собственно войлокам. Последние использовались преимущественно как разного рода подкладки, изоляты, обивки (включая обивку лодок) и др. Описанию данной линии войлоковаляния, называемой далее «европейской традицией», будет посвящена заключительная часть статьи, а сейчас вернемся на Восток, в мир степей.

Отмеченная выше общность в использовании вкатанной техники характерна для всего земледельческого и ираноговорящего мира древности, новое в нее внесли так называемые ранние кочевники — племена скифского типа, обитатели алтайских и тувинских высокогорий. Как было сказано выше, самые ранние войлоки на территории Центральной Азии обнаружены в курганах VIII в. до н.э., и именно с этого периода мы можем гово-

речь о бурном развитии техники производства войлоков и постепенном возрастании их роли в культуре обитателей степи. Гордион в Анатолии, Аржан-1 в Туве, Катанда на Алтае были местами находок ценнейших войлочных артефактов народов степи [Грязнов 1980: 21; Руденко 1953], однако действительно бесценные шедевры хранили царские курганы Пазырыкской долины на Алтае [Руденко 1953; 1960; 1968; Зайцева и др. 1977: 43–44; Марсадилов 1977: 45–51]. Датированные VI–III вв. до н.э. высокогорные тумулусы хранили сотни текстильных изделий, в том числе и войлоков. Среди последних — кафтаны, сложные головные уборы, бахромчатые носочки, изумительные по дизайну и тонкости работы предметы снаряжения коней. Особое место среди находок принадлежит огромному царственному занавесу, рисунок которого изображает божество на троне с предстоящим всадником [Barkova 2000: 74–79, 100]. От второго, хуже сохранившегося занавеса уцелела фигура фантастического существа изумительной красоты, иконографически близкого к сюжетам килимов из Шампулы [Sampula in Xinjiang of China 2001].

Пазырыкские войлоки, наверное, являются самыми знаменитыми из всех археологических находок такого рода. И не только из-за их большого числа и превосходной сохранности, но и благодаря исключительным художественным достоинствам и излучаемой ими ауре скифской культуры. С точки зрения техники изготовления, пазырыкские войлоки представляют собой полотнища толщиной в 1–2 мм, украшенные аппликацией «войлок по войлоку». Иногда аппликация дополняется скромной вышивкой стебельчатым швом, тончайшим оконтуриванием шнуром белого цвета и кусочками золотой фольги. Уникальность технологии позволяет выделить ее в особый тип войлочного производства, называемый далее по тексту «пазырыкским».

Начало нашей эры отмечено появлением новых декорирующих приемов, первые образцы которых выявлены у сюннусцев, обитателей Северной Монголии. Сюннусцы — кочевой народ, принадлежавший к монголоидной ветви человечества и говоривший на одном из тюркских языков — отличались воинственностью и приверженностью к традициям кочевого образа жизни. Одной из особенностей их культуры было отсутствие ткачества (подтверждается данными китайских источников и сюннусским фольклором [Материалы по истории сюнну 1968; Материалы по истории кочевых народов в Китае 1989; Carpini 1929: 103–106; Nakluyt 1903: 234–255; Polo 1954: 193]); единственным текстилем, который они производили, были войлоки. Наиболее многочисленными и представительными являются находки войлоков из тумулусов некрополя Ноин Улы, среди которых были предметы одежды, головные уборы, погребальные ковры [Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии 1925; Руденко 1962]. Наиболее художественно выразительными ноинулинскими находками были войлочный ковер со спиральями и сценами терзания и аналогичные по декору фрагменты¹². Ковры были изготовле-

¹² Восстановленное в красках изображение см.: [Кононов 1937].

ны в весьма оригинальной манере: их основу составили несколько сложенных друг с другом толстых полотнищ, крытых шерстяной и плотной шелковой тканью и отороченных полосой узорного китайского шелка. Рисунок каймы со сценами терзания выполнен в технике аппликации, с частой стежкой и оконтуриванием толстым шнуром [Tsarev 2003]. Стежка составляет важную часть данного метода и используется не только как технологическая, но и как узорообразующая деталь. Описанная манера, резко отличающаяся как от пазырыкской, так и от анатолийско-иранской, получила название «сюннусской линии». Продолжателями ее стали монголы, казахи, тувинцы и другие обитатели Монголии и Южной Сибири.

Таким образом, можно сказать, что ко времени рубежа эр в Евразии сформировались четыре основные линии войлочного производства, отличающиеся технологическими особенностями валяния и манерой декорирования орнаментируемой поверхности: европейская, анатолийско-иранская, пазырыкская и сюннуская. При этом вырисовывается общая закономерность, в соответствии с которой скотоводческие народы отдавали предпочтение собственно войлокам — к этой группе производителей относятся в первую очередь обитатели степи. Одновременно аграрные народы, в хозяйстве которых количество овец (следовательно, и шерсти) было ограничено, предпочитали валяные ткани. К последним относятся жители Европы и, как мы увидим ниже, некоторые азиатские горцы. Все эти линии и группы могли пересекаться и смешиваться, но приоритеты оставались неизменными. Посмотрим, как эти направления развивались и какие народы и поныне изготавливают войлоки описанными способами. Начнем рассмотрение с Востока и будем продвигаться на Запад.

Войлоки Азии

Крайней восточной точкой появления техники войлоковаления в период до нашей эры была современная Монголия, территория формирования сюннусской (ноин-улинской) традиции. Вполне логично, что наиболее последовательными продолжателями последней стали монголы, чьи современные крытые войлоками жилища, предметы убранства юрты и коней, одежда, высокие головные уборы «калпак» мало чем отличаются от форм, выработанных ноин-улинцами около двух тысяч лет назад. Технические возможности войлоков в целом совершенно замечательно соответствуют образу жизни обитателей холодных северных степей как благодаря плотности и непромокаемости, так и пластичности и скорости изготовления. Европейские и китайские письменные источники дают многочисленные описания использования монголами в быту роскошно украшенных ковров [Rona-Tas1963]. Не нужно, однако, забывать, что большая часть иностранных путешественников общалась с верхушкой монгольского социума и, таким образом, их сведения относятся к особенностям придворного быта империй кочевников периода расцвета и вряд ли могут быть распространены на общество в целом.

Для сравнения обратимся к китайской войлочной индустрии, пережившей два периода расцвета. Китайские хроники упоминают использование войлоков в Поднебесной с периода III в. н.э., т.е. со времени сюннусского владычества в империи. По их сведениям, войлоки использовались при изготовлении воинского снаряжения, а именно — щитов, шапок и сапог¹³. Позднее многочисленные арабоязычные письменные источники называют китайские войлоки «лучшими в мире»¹⁴. Однако наиболее вероятно, что изысканные ковры с драконами и медальонами были продукцией не собственно китайского искусства, а изготавливались под влиянием либо при участии мастеров завоеванных стран. Вопрос остается открытым, хотя мы знаем, что даже лучшие войлоки, включая созданные императорскими мастерскими шедевры (VI–VII вв., современная провинция Ганьсу и Внутренняя Монголия), рассматривались китайцами как ужасный результат варварского влияния.

Вторично войлочное производство стало важной частью китайской текстильной индустрии в период монгольского владычества 1280–1368 гг. Мастерские организовывались в обычной для монголов манере: тысячи ремесленников привозились в Монголию со всех концов огромной страны. Императорские мастерские производили большие — до 14 м в длину — постилочные ковры, одежду, головные уборы и обувь, причем лучшие ковры изготавливались из окрашенной верблюжьей шерсти и украшались золотыми нитями [Bidder 1979: 87–90]. Сохранилось интересное изображение огромной юрты Чингисхана, установленной на повозку, увлекаемую десятком волов [Rubruk 1934].

Весьма активное направление деятельности дворцовых мастерских в течение 90 лет, искусство войлоковаления не привилось в Китае и прекратилось с закатом монгольской империи. Не повлияло оно и на характер традиционного монгольского войлочного производства, поскольку выполненные в конце XIX в. монгольские войлочные изделия по-прежнему следуют сюннуской традиции: толстые рыхлые покрывки для юрт, применение стежки и аппликации как основного декорирующего приема, использование китайских шелков для покрытия войлочной основы предметов самого разного назначения, включая наседельные подушки. Неотъемлемый атрибут мужского костюма — калпак — по-прежнему используется всеми классами монголов, однако некогда обязательные войлочные куртки становятся принадлежностью одежды бедняков.

К западу от Монголии мир войлоков делится на два рукава, один из которых проходит по северным окраинам Великого степного коридора и достигает Волги и Северного Кавказа; второй, южный, захватывает Восточный Туркестан, Мавераннахр, Хорасан и упирается в Каспийское море. Центрально-азиатская часть северного рукава заселена носителями сюн-

¹³ Ханс Бидер собрал около ста упоминаний о войлоках периода 3–1 вв. до н.э. и о развитии войлоковаления в Китае, включая организацию мастерских в современной провинции Ганьсу и во Внутренней Монголии в 589–618 гг., последние особо славились войлоками с медальонами и изображениями драконов [Bidder 1964; Bidder I. and N. 1980]. См. также: [Legg 1990].

¹⁴ См., например, у Джахиза: «Лучшие войлоки — китайские (Sini), затем всевозможные красные магрийские, затем белые таликанские, затем разные армянские, и затем хорасанские». Цит. по: [Djahiz 338].

нуской традиции, наиболее яркими и активными представителями которой в новейшее время являются казахи. Перечень изготавливаемых казахами войлочных изделий включает в себя все разнообразие убранства юрты, одежды, утвари и даже такие предметы, как онгоны и амулеты. Методы украшения войлоков были классически сюннусскими: аппликация и стежка; исключение составляли шитые золотом «султанские» шапки, манера декорирования которых, возможно, была воспринята казахами от монголов. Наиболее архаичный вариант головного убора представляют женские свадебные головные уборы «саукеле»: почти точные копии конической шапки знаменитого исык-кульского «золотого человека», V–VI вв. до н.э. [Древнее золото Казахстана 1983].

Потомки пришедших с Востока орд — татары — принесли культуру войлокования на берега Волги. Наряду с собственно войлоками Поволжье являлось активным производителем и пользователем полувойлоков типа сукна, поэтому местный мужской костюм обычно сочетал в себе суконные предметы (кафтан, онучи) и войлочные (головной убор, чулки). Последнее обстоятельство, а также манера украшения войлоков вышивкой и росписью сближают татарское войлокование с европейской, в частности, с русской традицией.

Крайней западной точкой распространения сюннусской линии являются Северный Кавказ и Дагестан. Наиболее, пожалуй, репрезентативными являются войлочные изделия карангайцев и лакцев, служащие



Шапка мужская войлочная «калпак».
Аппликация. Казахи, Казахстан.
XIX в. МАЭ. Колл. № 403-3.



Сапоги войлочные женские. Стежка, вышивка. Лакцы. Дагестан. 1880-е годы. Собрание РЭМ [Одежда народов, рис. 144].



Свадебная юрта. Войлоки украшены аппликацией и стежкой. Ногайцы, Северный Кавказ. Начало XX в. Фотоархив РЭМ [The Caucasian peoples 2000, ill. 22].

яркой демонстрацией их тесных взаимоотношений как с северными, так и с восточными соседями. Одновременно, кабардинская и балкарская группы населения Северного Кавказа выступают как последовательные продолжатели пазырыкских методов войлоковаления: мы находим в их изделиях близкую по качеству шерсть, необычайную тонкость полотен, аналогичную пазырыкской манеру аппликации способом изящной пришивки, изредка дополняемой оконтуриванием белой линией и др. Вполне логично, что некоторые северокавказские и дагестанские группы применяют и анатолийскую технику войлоковаления. В то же время, бурка — символ военизированной кавказской мужской культуры — находит ближайшие аналоги в одежде Древней Греции и Рима, что объясняется общими чертами в материальной культуре населения Циркумпонтийской зоны. Таким образом, войлки Северного Кавказа представляют все выявленные традиции войлоковаления, а именно — пазырыкскую, сюннскую, анатолийскую и европейскую.

Теперь рассмотрим южные территории, для чего вернемся на Восток, в бассейн реки Тарим, и также будем двигаться с востока на запад. Как уже говорилось выше, развитое войлоковаление прослеживается в Восточном



Занавес настенный войлочный.
Техника аппликации. Балкарцы,
Северный Кавказ. 1902 г.

Собрание РЭМ [The Caucasian peoples 2000: 83].



Верхняя мужская одежда «бурка». Северный Кавказ.
Начало XX в. МАЭ. Колл. № 6748-3.

Туркестане с I тыс. до н.э. Судя по археологическим находкам¹⁵, данным китайских письменных источников¹⁶, изображениям на манихейских росписях и миниатюрах¹⁷, со временем традиция производства узорных войлоков в оазисах региона не только не угасала, но и активно развивалась. Особенности изготовливавшихся потомками тохарцев узорных войлоков являются: абсолютное доминирование растительных сюжетов в декоре и применение исключительно вкатанной техники орнаментирования. Мы также знаем, что именно здесь в III–V вв. н.э. изготовливались украшенные золотыми нитями узорные войлоки, которые посылались в Китай в качестве дани¹⁸. Все вместе взятое свидетельствует о том, что практиковавшаяся в домонгольский период в Синьцзяне техника войлоковаления следовала классической иранской традиции в варианте высокого искусства.

В последующие века, с активизацией тюркской экспансии, все более очевидным становится присутствие в Восточном Туркестане сюннуской и пазырыкской линий. Следует, однако, отметить, что оседлое население региона по-прежнему отдавало предпочтение древнему способу вкатывания узоров; мозаика и стежка были более характерны для кочевников. Наибольшее смешение стилей и техник наблюдается у киргизов, чей сложный этно- и культурогенез отразился, как в зеркале, в особенностях их войлочного производства. Киргизы использовали как сюннуские приемы, так и пазырыкские и иранские, а также активно изготовливали полувойлоки по типу сукна. Именно у киргизов мы встречаем вышитые петлевыми швами войлоки, мозаичную технику и прием нашивания раковин и других украшений. Слова Якуби: «Турки являются самым умелым народом в производстве войлоков, потому что это то, что они носят» [Ya'kubi. Kitab al-Boldan 1892: 223] — могут в первую очередь относиться к киргизам, чьи войлоки и по настоящее время отличаются наибольшим разнообразием видов, узоробразующих техник и великолепием художественного исполнения.

Современные южные соседи киргизов — памирские таджики — также называются в домонгольских арабских источниках как изготовители и импортеры войлоков, в первую очередь вывозимых далеко на запад седельных покрышек¹⁹. Несмотря на ограниченное производство шерсти, горцы сохранили традицию войлоковаления до настоящего времени и продолжают делать небольшие постилочные коврики с вкатанным узором, вышитые

¹⁵ Многолетние раскопки, проводившиеся А. Стейном и С. Хедином в пустыне Лоп–Нор, дельте Кумдарьи и Малой реки, обнаружили не так много войлоков; найдены обивка гробов, кафтан, носки, кукла, предметы культа [Stein 1921].

¹⁶ Юань Чуанг (Yuan Chuang), буддийский пилигрим VII в., посетил страну и город Токмак. В своей «Книге путешествий» Юань Чуанг описывает войлочные одеяла и, говоря о Кашгаре, замечает: «Они делают тонкие войлочные и ворсовые ковры и экспортируют войлочные изделия»; о Хотане: «Они производят ворсовые ковры и тонкие войлоки» [Bidder 1980].

¹⁷ Серединой VIII в. датируются манихейские рукописи из Турфанского оазиса, долина реки Тарим, на миниатюрах которых изображены различные ковры; некоторые из них не могут быть ничем иным, кроме войлоков, по всей вероятности, местной работы [Gulacsı 1994: 81–85, 104].

¹⁸ См. прим. 14.

¹⁹ «Из Сикашима [Ишкашим] происходят войлочные покрытия для седел (ruy-i-namad-zin)». Цит. по: [Hudud al-'Alam 1937: 121].

свадебные сумки, а также валяные шерстяные ткани. В отличие от других центрально-азиатских территорий, в Бадахшане войлоки изготавливают не женщины, а мужчины.

Родственные бадахшанцам афганцы производят аналогичные по форме и декору предметы, а также исключительные по красоте и изяществу вышитые войлочные кафтаны. Особую группу составляют вышитые войлочные коврики Кашмира, прекрасные образцы которых хранятся в собрании МАЭ.

Мне не известны другие археологические находки войлоков с территории среднеазиатского Междуречья, кроме вышитого фрагмента, найденного экспедицией С.П. Толстого в одном из городищ Древнего Хорезма и датированного VIII в. н.э. [Толстов 1948, табл. 57 (Замок № 36)]. Однако средневековые рукописи называют ряд всемирно известных городских центров войлоковаления в регионе, таких, как Самарканд, знаменитый «зимними красными войлочными шароварами»²⁰, Бухара с ее «черными, вышитыми серебром войлочными шапками»²¹, а также Хорезм, войлочный рынок которого существовал задолго до арабского нашествия [Hudud al-‘Alam 1937: 121].

Именно в Хорезмском оазисе, сохранившем в маргинальных вариантах некоторые атрибуты древних среднеазиатских кочевых цивилизаций, мы находим женские шлемообразные войлочные головные уборы «саукеле»²² и традицию применения войлоков как подкладочных материалов при изготовлении предметов мебелировки.

В целом можно утверждать, что Мавераннахр следовал иранской линии войлоковаления. Изготавливавшиеся здесь ковры были двух типов: маленькие однотонные с начесом с одной стороны, и достаточно большого размера с деликатными вкатанными двусторонними узорами. Данный тип орнаментации характерен для всего Мавераннахра, Хорезма, Хорасана и Ирана, а также для туркмен. *Наматы* последних, правда, отличались очень плотной структурой и прочно вкатанным узором, как будто слегка «припорошенным» волокнами неокрашенной шерсти. Помимо ковров с вкатанным узором, все названные территории изготавливали однотонные полотнища, часто украшавшиеся вышивкой. У туркмен это были свадебные попоны, рисунок которых напоминает наскальные петроглифы²³, у персов — нарядные наседельники, у бадахшанцев — свадебные сумки, у афганцев — кафтаны и др. Следует также отметить великолепное местное сукно, особенно красного цвета, использовавшееся для изготовления одежды и вышивок.

Арабское нашествие VIII в. и исламизация многих стран Востока практически не повлияли на состояние ремесла. Последовавший в XI в. приход

²⁰ Наиболее полные сведения о базарах и текстильном производстве Самарканда и его окрестностях приводит Макдиси; упоминание о красных зимних войлочных шароварах и джизакских войлоках и войлочных одеждах см.: [Makdisi (Mukaddasi) 1876: 324].

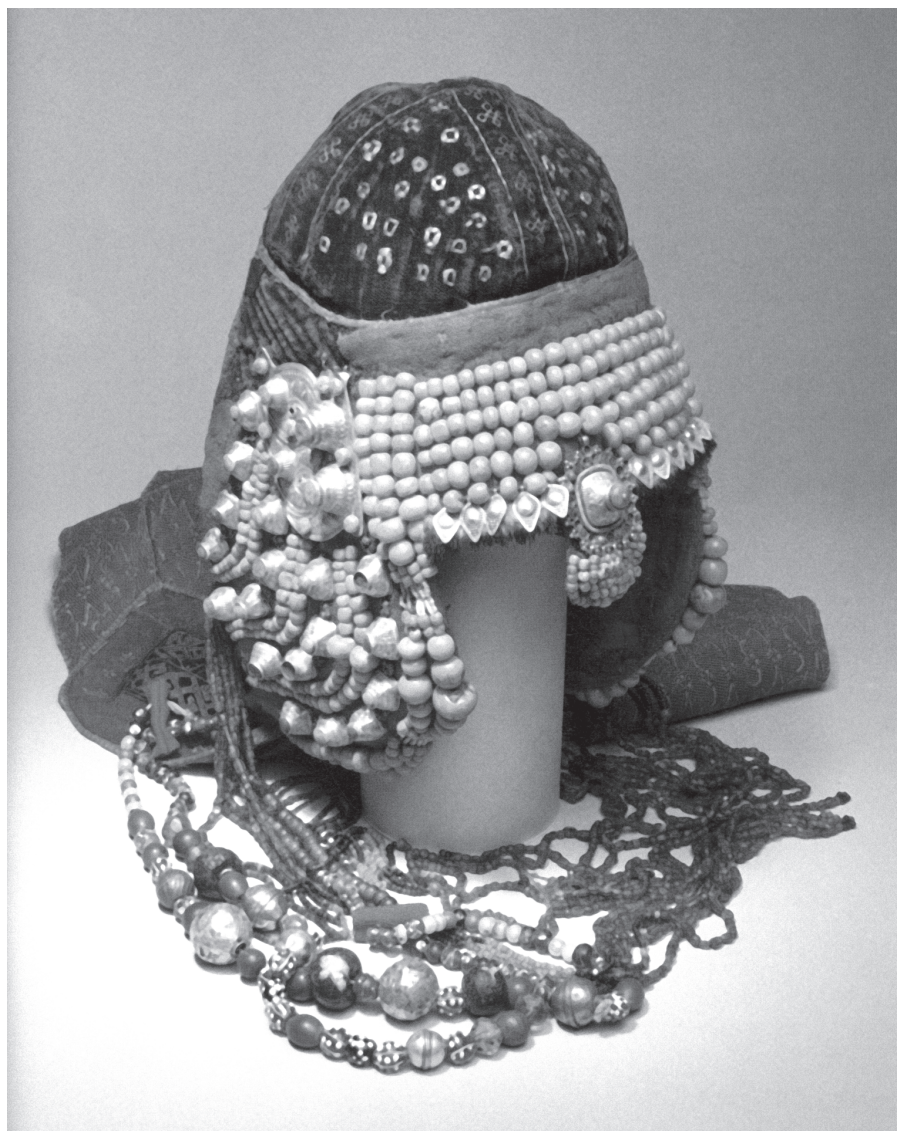
²¹ Бухарские черные шитые серебром войлочные шапки упоминаются, в частности, Низам ал-Мульком (XI в.) [Schefer 1891–93, text : 95, trans.:139–40].

²² Наиболее интересными из всех саукеле представляются шлемовидные шапки каракалпакских невест, надевавшиеся вместе с серебряной «каскай» *тобелек*. См., например: [Babanazarova 2003: 220, fig. 33].

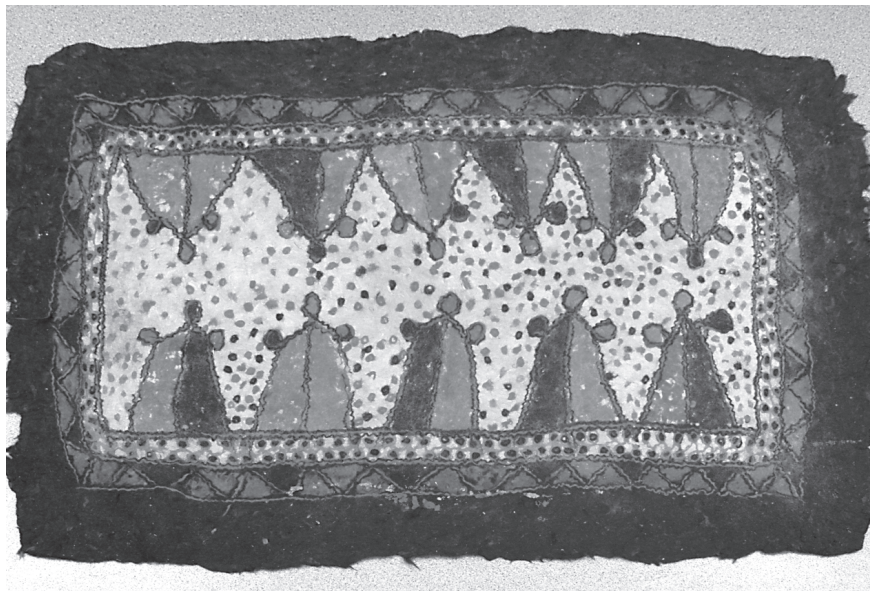
²³ Оба войлока утрачены, сохранились только изображения в публикациях.



Кафтан мужской свадебный войлочный «Бурка». Вышивка, прорези.
Афганцы, Афганистан. XIX в. МАЭ. Колл. № 3468–25.



Головной убор женский свадебный войлочный.
 Бархатное покрытие, вышивка, нашитые кораллы
 и золоченые бляшки. XVIII — начало XIX в.
 Каракалпаки, Каракалпакстан. Собрание РЭМ [Folk art 1989: 143].



Войлок постилочный. Техника вкатывания. Туркмены, Центральная Азия.
Начало XX в. [МАЭ. Колл. № 3767–368].



Попона свадебная войлочная. Вышивка. Туркмены-гоклены. Туркменистан. XVIII в.

к власти сельджуков, рассматривавших войлоки как один из маркеров своей культуры, способствовал распространению войлоковаления на всех захваченных сельджуками территориях, вплоть до Испании²⁴.

Описанная традиция является, несомненно, очень древней, поскольку существовала как у скотоводческого, так и у городского населения Мавераннахра, Хорезма, Хорасана и северного Ирана. В определенной степени подобная унификация может быть результатом регламентирующей деятельности гильдии, поскольку городские валяльщики Нишапура, Таликана, Табаристана, Амуля были объединены в цеховую систему начиная с периода раннего средневековья. Их продукция не только была весьма популярна у местного населения, но и высоко ценилась на рынках Востока и при дворах сельджукских правителей²⁵.

Исконно «войлочными» были и горные системы, и плоскогорья к югу и западу от Каспийского моря. Нарративные и вещественные памятники периода эллинизма и раннего средневековья показывают, что зона распространения ремесла включала в себя Восточное Средиземноморье, узкую полосу вдоль южного побережья, тянувшаяся дальше на запад, достигала Гибралтара и, наконец, пересекала его, захватывая часть Пиренейского полуострова. Мы последовательно рассмотрим все названные зоны и особенности их шерстоваляльного производства, а сейчас вернемся в Центральную Азию.

Жизнь населения этого региона резко меняется в период монгольского завоевания. Это касается всех аспектов экономики и культуры, в том числе и состояния текстильных ремесел. С одной стороны, кочевники-монголы инициировали создание войлоковалельных мастерских на территории Китая и в Восточном Туркестане; и, хотя последние просуществовали недолго и исчезли вместе с породившей их империей, изготавливавшиеся в Ганьсу и Восточном Туркестане войлоки оценивались современниками как замечательные произведения искусства. С другой стороны, разрушение монголами центрально-азиатской цивилизации привело к упадку местной экономики, включая текстильную индустрию, и к исчезновению ее отдельных отраслей. Бухарские и хорезмские войлоковалельщики потеряли свои позиции на международном рынке, их ремесло превратилось в незначительную отрасль городского производства, ориентированную главным образом на местный рынок. Аналогично и туркестанские кочевники, самые активные производители войлоков в мире в домонгольский период, стали выделять *наматы* только на нужды собственных семей.

Несколько меньше пострадали от монгольского присутствия Иран, Северная Индия и Турция: их войлочное производство сохранилось в варианте сочетания домашнего производства с мануфактурным. Как уже говорилось выше, иранцам принадлежит огромная роль в выработке техники

²⁴ Так, ибн Хаукаль писал в X в.: «<...> и никто на всей земле не равен им [андалузцам] в производстве их войлоков». Цит. по: [Serjeant 1972: 173].

²⁵ О хорасанских, особо гератских, балхских и таликанских войлоках домонгольского периода писали Джахиз, Макдиси, автор Худуд ал-'Алам, Якуби и др. [Serjeant 1972: 87–95, 186].

войлоковаления и ее распространении по территории Евразии. Вполне естественно, что персы, прямые потомки древних арья, были известны широким применением войлоков, причем использование последних в культовых одеждах и ритуалах подчеркивает их особое место в иранском социуме. Сказанное относится ко всем периодам существования иранской культуры и ко всем слоям населения страны, как к его оседлой части, так и к многочисленным кочевникам. Необратимые изменения последних веков привели к исчезновению многих видов войлочных артефактов из быта жителей городов, тем не менее знаменитые иранские колпаки-*кулахи*, неизменно отмечаемые историками древности начиная с Геродота, сохранились до наших дней, правда, преимущественно как атрибут ритуальной одежды.

Двигаясь по карте дальше на запад, мы попадаем к ближайшим соседям Ирана — в страны Закавказья. Территориально близкое к Анатолии, месту находок наиболее ранних войлочных артефактов, Закавказье является древним центром освоения этого ремесла. Положение региона в зоне множественных культурных и этнических контактов народов Европы и Азии способствовало формированию здесь синкретического ориентально-окcidentalного варианта культуры производства войлоков и их потребления. Поразительно, что в Армении и Грузии традиция приписывает изобретение войлока Ною, но вовсе не удивительно, что он использовал этот материал для обивки ковчега, т.е. применил его в соответствии с древнеевропейской традицией. В период средневековья армянские войлоки широко славились и были предметом международной торговли²⁶.

Высокий уровень производства и работа на рынок позволили армянским и грузинским мастерам достаточно рано объединиться в гильдию. Манускрипты X в. рисуют развитую систему городских и сельских мастерских, производивших небольшие коврики, головные уборы, а также разнообразные предметы одежды (собственно войлок и сукно), а множественные иконографические источники демонстрируют их повседневное использование в городском и сельском быту вплоть до XX в.

Как и у восточных соседей, в странах Закавказья практиковалось домашнее войлочное производство, в том числе у скотоводов для оборудования жилищ типа юрты и изготовления одежды, в первую очередь пастушеской. С приходом тюрок местному населению было запрещено надевать высокие войлочные шапки и вменено ношение фесок, поскольку *кулахи* становятся атрибутом исключительно правящей династии и определенных социальных слоев. Аналогичная ситуация, как мы увидим ниже, сложилась и в Малой Азии.

Одна из древнейших точек освоения искусства войлоковаления — Анатолия — никогда не теряла традиций ремесла, вне зависимости от политической ситуации и доминирующего населения. С XIII в. в письменных источниках встречаются все более подробные упоминания о войлоках и войлочных изделиях, которыми пользовались жители как городов, так и сельской местности. Последнее объясняет широкое разнообразие войлочных

²⁶ О закавказских, особенно армянских, войлоках средневекового периода писали Джахиз, Табари, Идриси [Serjeant 1972: 60–64].



Халат дервиша суконный вышитый, Сарты. Центральная Азия.
МАЭ. Колл. № 1487-2.



Штаны женские суконные. Курды, Закавказье. XIX в. МАЭ. Колл. № 773–3.

изделий: различные головные уборы, накидки, кафтаны, обувь, ковры, предметы убранства юрты и верховых лошадей и пр. Войлоки являлись важнейшим атрибутом палаточной армейской жизни турецких завоевателей: известно, что армия особо снабжалась войлочной одеждой перед горными походами [Turnau 1997: 63]. Важную роль играли войлочные головные уборы, служившие маркерами социального статуса своих владельцев. Так, белые высокие шлемы носились офицерами высокого ранга, конические шапки «кулах» — слугами сераля, солдатами и дервишами некоторых орденов; церемониальные одежды «танцующих дервишей» включали в себя шапки из толстого коричневого войлока и короткий войлочный жилет. Особая социальная группа населения Оттоманской империи — янычары — называлась «кечели» — «люди, одетые в войлок», благодаря шапкам, украшенным длинной полосой войлока «кече» [Turnau 1997: 63]. Одновременно простые жители Оттоманской империи могли надевать только фески. Сельские мастера во все времена продолжали производить накидки типа бурок, а также упоминавшиеся в начале статьи полувойлоки «филикли» — подвалянные с изнанки длинноворсовые ткани. Следует отметить, что в кочевнической среде войлоки изготавливались как правило женщинами, в то время как среди оседлого населения, где войлоковальние рассматривалось как профессиональное ремесло, работа выполнялась мастерами-мужчинами; гильдия шерстевальщиков была организована в Турции не позднее XVI в.

Хотя статья посвящена войлокам Евразии, необходимо сказать несколько слов о более южных территориях. Судя по источникам, в определенный период войлочное производство процветало на территории современного Ирака, Сирии, Египта, Магриба и Испании. Самые ранние вещицы находки происходят из Дура Европоса (Сирия), разрушенного в 256 г. Это фрагменты как неорнаментированных, так и окрашенных в яркие цве-



Шапка дервиша войлочная, крытая сукном, вышитая. Персы, Иран. XIX в.
МАЭ. Колл. № 2145-43.



Мужской головной суконный убор «феска». Турки, Турция. XIX в.
МАЭ. Колл. № 477-1.

та войлоков, выполненных в анатолийско-иранском стиле. Красными войлоками была знаменита Антиохия, как мы читаем у Зухаира, автора доисламского периода, который говорит о «красных войлоках Антакьи» (ал-Асма'и (740–828).

Часто упоминаемые в литературе с XIII в. египетские войлоки²⁷ слабо представлены вещественными материалами. Реально мы можем говорить только о 7 головных уборах среднего качества, найденных в Кусейр ал-Кадиме (побережье Красного моря) и датированных XIII в. [Vogelsang-Eastwood 1993: 85–89, 108]. Нет и вещественных находок из Магриба, хотя, судя по литературе, магрибские войлоки славились своим качеством и ими пользовались даже рафинированные византийцы²⁸.

В данный ряд следует включить и Испанию, правильнее сказать Андалусию, ставшую с приходом сельджуков знаменитым центром производства войлоков. Не будет лишним процитировать здесь Ибн Хаукаля, который писал в X в.: «<...> там [в Андалусии] делают красивые войлочные ковры (*намат*) <...> и никто по всей земле не может сравниться с ними в производстве их войлоков. <...> Иногда делают “тридцать войлоков” для их султана, каждый из которых оценивается в пятьдесят и шестьдесят динаров <...> поскольку они являются самыми прелестными из всех постилаемых ковров» [Serjeant 1972: 114]. Вполне возможно, что к моменту сельджукского вторжения в Испанию уже существовало войлочное производство в его европейском варианте, во всяком случае оно могло быть принесено сюда римлянами. Так или иначе, знаменитые «андалузские войлоки» исчезают из обихода после ухода мавров, и местное население ограничивается обычной для Европы практикой изготовления полувойлоков и фетровых шляп. Аналогичный процесс происходил по всему Средиземноморью, что позволяет предположить, что активизация войлочного производства в регионе была связана с приходом сюда тюрок, в первую очередь сельджуков, и угасает со сменой правящих династий.

Войлоки Европы

Европейская войлочная традиция более стабильна и унифицирована, чем восточная, и одновременно гораздо лучше изучена. Поэтому предлагаемый обзор весьма краток и описывает главные этапы развития ремесла — от эпохи бронзы к I тыс. н.э., периоду формированию гильдий — и заканчивается общими выводами.

Самые ранние европейские валяные изделия обнаружены археологами на территории Северной (Дания, Германия, II тыс. до н.э.) [Riek 1962: 119–214; Schlabow 1959: 101–20; Schlabow 1958: 29, 29–31; Schlabow 1976;

²⁷ В Египте ремесло войлоковаления стояло на очень высоком уровне, качество изделий строго контролировалось, о чем сообщает, например, Ма'алим ал-Курба, автор египетского происхождения: «Вес красного войлока должен быть 4 ратля, а голубого и наседельника красного цвета — один ратль с половиной...» и т.д. Цит. по: [Serjeant 1972: 204–205].

²⁸ Магрибские войлоки имели мировую славу. Джахиз писал: «Наилучшие войлоки — разнообразные китайские и красные магрибские»; Мушкавайхи упоминает, что во время осады Алеппо в 962 г. палатки византийской армии были украшены магрибскими войлоками» и пр.

Hald 1980], а затем и Центральной Европы [Hundt 1959: 66–100; 1960: 126–50; Hundt 1972: 119–214] (Хальштадт, начало I тыс. до н.э.). Находки представляют собой тканые либо вязанные плотно подвалянные тяжелые юбки, блузы, туники, шали, пояса и обувь [Broholm 1935: 215–347]. Раз сложившись, традиция изготовления полувойлоков доминировала в Европе на протяжении последующих 4 тысяч лет, распространившись в период раннего средневековья далеко на север [Post 1925: 61], где активно используется и в настоящее время. Что касается собственно войлоков, они обнаруживаются приблизительно с этого же времени (самые ранние — в Северной Германии), но лишь в виде фрагментов неясного назначения [Stokar 1938: 98, 105; Forbes 1956: 91].

Мы уже касались вопроса о существовании валяльного производства в античном мире. Напомню, что в I тыс. до н.э. греки умели изготавливать собственно войлоки, применявшиеся при изготовлении постелок и доспехов. Более распространены, однако, были тканые войлоки, использовавшиеся для изготовления верхней одежды, и ворсистые накидки типа бурок. Древнегреческая традиция стабильно просуществовала до новейшего времени как на территории собственно Греции, так и у ее славянских соседей.

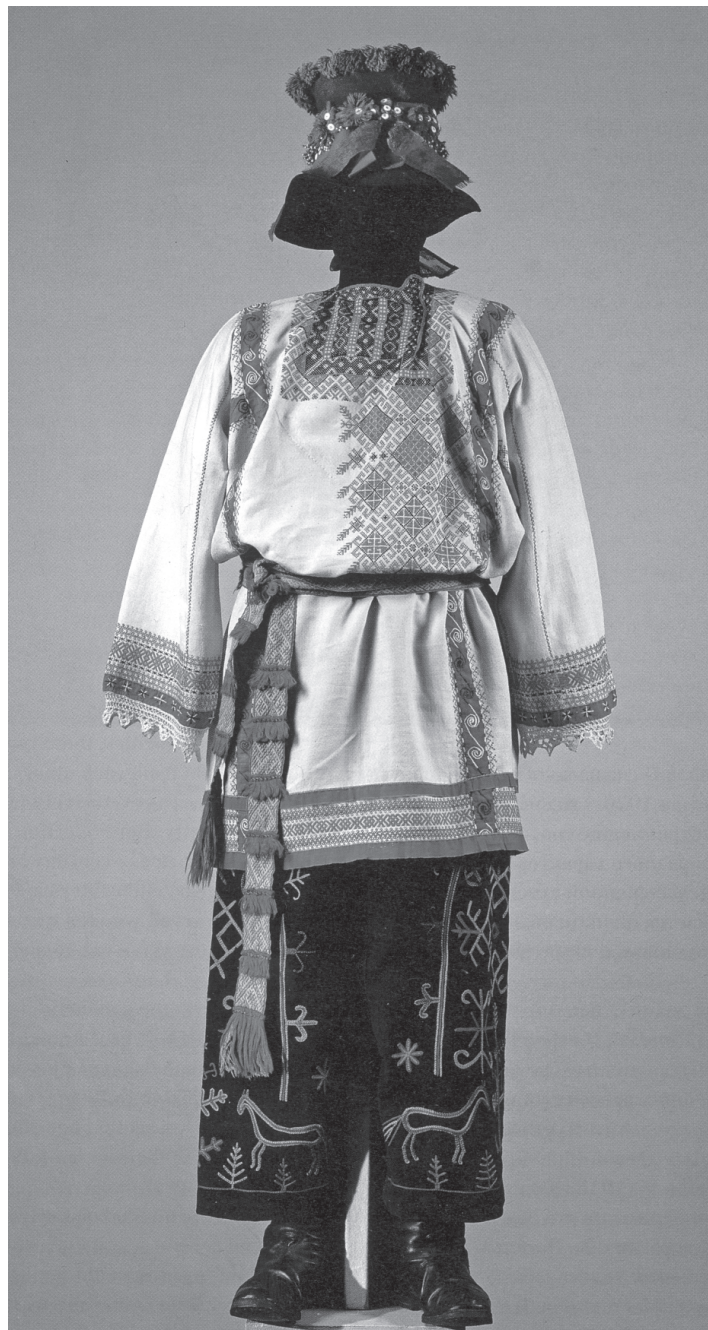
Период I тыс. н.э. дает множественные находки, главным образом с территории северных стран: Норвегии (IV–V вв.) [Grenander-Nyberg, 1991: 34], Германии (VII–VIII вв.) [Tidow 1986: 186], Исландии и Швеции (XI в.) [Gudjonsson 1980: 41–46; Lindstrom 1982: 182; Maik 1988: 84–85]. Наиболее полная «коллекция» обнаружена в Хайтабу (Германия), собственно войлочные предметы которой представляют собой обивку лодок, седельные покрывала, головные уборы, головные покрывала, доспехи, включая батальные маски; в то время как одежда (кафтаны, рубахи) изготовлена из полувойлока²⁹. Сфера применения войлоков в Европе в ранний средневековый период, как мы видим, достаточно узка, хотя уже в древности европейцы хорошо знали об изоляционных свойствах войлока, его упругости и способности держать кромку при разрезании.

Судя по находкам в Старой Ладогe (фрагменты неясного назначения и головное покрывало) [Давидан 1982], в VIII в. славянское население территории России практиковало европейскую традицию. Этнографические данные показывают, что жители холодных северных равнин традиционно использовали полувойлоки (сукно) при производстве верхней одежды и собственно войлоки при изготовлении головных уборов, комплексов конского убранства (подкладки для хомутов и седел и конские попоны), воинских доспехов. Изоляционные свойства войлоков находили применение как в работе с горячим металлом (рукавицы), так и при защите от холода (валенки). В домашнем производстве при изготовлении всех видов изделий пользовались неокрашенной шерстью; из всего множества предметов декорировались попоны (кисти), головные уборы (нашивные

²⁹ В археологическом поселении порта Хайтабу были найдены более 30 различных войлоков, датированных в промежутке от IX до XIII вв. Из них 8 толстых использовались как обивки для лодок и кораблей, другие были головными уборами, покрывалом (тканый войлок), кафтаном, рубахами, доспехами, включая боевые маски, седельными покрывалами (собственно войлоки) [Hundt 1966–1969; 1971].



Кафтан мужской суконный. Белорусы, Белоруссия.
Начало XX в. МАЭ. Колл. № 6873–19.



Костюм жениха. Русские, Семипалатинская губерния. Вторая половина XIX в.
Собрание РЭМ [Императорские коллекции 1995, рис. 8].

перья, ленты и пр.) и валенки, причем последние таким редким для войлока способом, как роспись.

Средневековая Европа продолжала специализироваться на производстве валяных тканей, войлочных головных уборов и технически используемых предметов (обивки, изолирующие прокладки и пр.). В разные периоды доминировали разные типы предметов и техник, отличающиеся также и качеством. Так, английские, французские, русские крестьяне использовали для изготовления своей одежды тяжелое, достаточно редкое сукно. Некоторые восточно-европейские народы, например поляки и венгры, производили плотно валяные ткани, которые на первый взгляд выглядят совершенно как войлоки и абсолютно водонепроницаемы, в то время как похуже, но еще более тонкое сукно валяли жители Балкан. Эта же территория славится весьма своеобразными подвалянными тканями с навязанными узлами (например, карпатские «гуни»), предки которых известны нам по одежде шумеров и древних обитателей Анатолии.

В период позднего средневековья европейские мастера стали объединяться в цеха. Первая гильдия была создана английскими шляпниками и упоминается под 1269 г. [Ginsburg 1990: 20–22], немецкая была зарегистрирована на год позже, в 1270 г. [Heimpel, Bastian 1926: 55, 58, 101–106, 116, 265]. Наиболее полно, однако, описана деятельность парижской гильдии, впервые упоминаемой под 1292 г. [Lespinasse 1897: 272]. Основными изделиями парижских мастеров были шляпы, сохранявшие славу лучших в Европе на протяжении многих веков. Шляпы сохраняли единый фасон практически на всем континенте, включая сельские местности, мастера которых моделировали головные уборы в соответствии с принятыми городскими стандартами. Цеховая система постепенно распространилась по всей Южной, Центральной, Северной и части Восточной Европы³⁰. Исключениями были, по всей видимости, Россия, Бессарабия, Валахия, Балканские страны и Финляндия, о которых у нас нет соответствующего материала по организации цехов, хотя есть образцы высококачественных изделий, свидетельствующих о высоком уровне развития ремесла.

Подводя итоги обзора европейского войлочного производства, можно сказать, что традиция изготовления войлоков, главным образом в варианте полувойлоков, развивалась в Европе с бронзового века и никогда не прерывалась вплоть до настоящего времени. Полувойлоки отличались большим разнообразием видов (валяные ткани, трикотаж, бурки, ворсовые

³⁰ Флорентийские шляпники и изготовители беретов были зарегистрированы как отдельная гильдия в 1316 г. [Davidson 1965: 101–104]; а знаменитые римские шляпники — в XV в. [Vociño 1961: 98]. В Богемии и Словакии гильдия шляпников появилась достаточно рано, в XIV в. в Праге работали 25 войлоковалайных мастерских, которые использовали самое лучшее возможное сырье — бобровый волос [Miller 1909–1910: 5, 123]. В Нидерландах самостоятельная гильдия шляпников существовала с XIII в. [Espinas 1913: 55], в то время как в Базеле, Швейцария, — с 1428 г. [Geering 1886: 233, 569]. Галлинские и рижские шляпники отделились в начале XIV в. [Kaplinski 1979: 128–138], гданьские и краковские — позже в том же веке [Voguska 1965: 34, 73, 105, 108]. Страсбургские шляпники выделились в самостоятельную гильдию в 1361 г. после многочисленных конфликтов с гильдией шерстобитов и сукошницков [Schmoller 1879: 20–25, 217], однако кельнские шляпники и многие другие по всей Европе продолжали благополучно работать в составе объединенных гильдий шерстобитов [Zwei Jahrtausende Kolner Wirtschaft 1975: 358, 451].



Кафтанчик суконный мужской. Черногорцы, Черногория. XIX в.
МАЭ. Колл. № 533-4.



Куртка мужская суконная. Закарпатье. Начало XX в.
МАЭ. Колл. № 2583-23.

структуры) и качества (плотные водонепроницаемые, редкие пушистые фактуры) и использовались для производства разного вида одежды (кафтаны, покрывала, женские юбки, пр.) и домашней утвари (одеяла, коврики, пр.). В начальный период наиболее популярными собственно войлочными изделиями были головные уборы и обувь, более характерные для северных стран, а также детали конской упряжи и воинских доспехов. С XIII в. шляпники и суконщики стали объединяться в гильдии (исключая северо-восточные территории). Другие изделия из войлока (валенки, постилки, упряжь, прихватки и пр.) продолжали производить домашним способом в небольших мастерских.

Зоны возникновения и пути распространения войлочных техник прослеживаются достаточно хорошо благодаря исторически относительно позднему времени освоения техники (IV–III тыс. до н.э.) и локальности ее применения (азиатская часть Евразии и Европа). Искусство валяния формируется в двух вариантах: собственно войлоки и полувойлоки. Вне зависимости от точек и времени освоения техник обе формы распространились по всей зоне использования самого принципа валяния, но с разными приоритетами (преобладание собственно войлоков в азиатских культурах и полувойлоков — в европейских). Следует особо отметить, что в течение последних двух с половиной тысяч лет собственно войлоки служили гарантом самого существования кочевых культур Великого степного коридора вне зависимости от их этно- и культурогенеза.

Библиография

- Andrews P.A.* Felt of the Turkmen of Iran. London, 1971.
Archaeological Treasures of the Silk Road. Shanghai, 1999. Cat. № 15.
Az Elso Magyar Nemezkeszito Tanforolyam (начиная с 1984 г.).
Babanazarova M. Folk Trasures from the State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan // *A World of Carpets and Textiles.* Danville, 2003.
Barber E. The Mummies of Urumchi. New York, 1999.
Barber E. Prehistoric Textiles. The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages. Princeton, 1991.
Barkova L. The Pazyryk Felts. Hali, London, 2000.
Bellinger L. Textiles from Gordion // *The Bulletin of the Needle and Bobbin Club.* 1962. Vol. 46. № 1–2.
Berichte uber die Ausgrabungen in Haithabu, Berichte 19. Neumunster, 1971.
Bidder H. Carpets from Eastern Turkestan. Washington, 1979.
Bidder H. Teppich aus Ost-Turkestan. Bekannt als Khotan-Samarkand und Kansu-Teppichte. Tubingen, 1964.
Bidder I. and Filzteppiche H. Ihre Geschichte und Eigenart. Herausgeben von *Peter Thiele.* Ein Buch fur Sammler und Leibhaber. Braunschweig, 1980.
Bogucka M. Gdanskie rzemioslo tekstylne od XVI do polowy XVII wieku. Wroclaw, 1965.
Broholm H.C. and Hald M. Danske Bronzealders Dragter // *Nordiske Fortidsminder* 2.5/6. Copenhagen, 1935.
Burkett M. The Art of Felt Maker. Kendal, 1979.
Burkett M. An Early Date for the Origin of Felt // *Anatolian Studies.* XXVII. 1977.
Cole T. Chinese Carpets. Art from the Steppes. Hali, 1993.
Davidson R. Storia di Firenze. Firenze, 1965. Vol. 4.
Djahiz. Al-Tabassur bi 'l-Tidjara, ed. Hasan H. 'Abd al-Wahhab, Rev. De l'Acad. Arabe de Damas, XII (1351 H. [1932 AD]), 338.
Espinas G. La vie urbaine du Douai au moyen age. Paris, 1913. Vol. 2.

- Forbes R.J.* Studies in Ancient Technology IV. Leiden, 1956.
- Geering T.* Handel und Industrie der Stadt Basel. Zunfwesen und Wirtschaftsgeschichte bis zum Ende des XVIII. Jahrhunderts aus Archiven gargestellt. Basel, 1886.
- Gerver M.* and V. Felt-making Craftsmen of the Anatolian and Iranian Palteux // Textile Museum Journal. December 1974. Vol. IV.
- Ginsburg M.* The Hat, Trend and Traditions. London, 1990.
- Grenander-Nyberg G.* Filt i forntiden // Folkests Historia. 1991.
- Gudjonsson E.* A Note on Medieval Iceland Shaggy Pile Weaving // Bulletin de CIETA. 1980, nos 51–52.
- Gulacsi Z.* The Hand of Mani. Felts Rugs in Manichaeen Miniatures. Hali, 1994.
- Hald V.* Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. A Comparative Study of Costume and Iron Age Textiles, The National Museum of Danmark. Kobenhavn, 1980.
- Heimpel H., Bastian F.* Die Textilgewerbe. Das Gewerbe der Stadt Regensburg im Mittelalter. Stuttgart, 1926.
- Herodotus.* The 4th book; Strabo, Geography, XV.
- Hirsch Udo.* The fabric of Deities and Kings. Hali, 1991.
- Homer.* Iliad.
- Hudud al-'Alam* / Trans. by V. Minorski, Gibb Mem. Ser. London, 1937. №.s., XI.
- Hundt H.-J.* Gewebe und Filzfunde aus Haithabu, Ausgrabungen 1966–1969
- Hundt H.-J.* Vorgeschichtliche Gewebe aus dem Hallstätter Salzberg // Jahrbuch des romisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. 1959. Vol. 6.; 1960. Vol. 7.
- Hundt H.-J.* Textilreste aus dem Hohmichele // Riek G. Der Hochmichele, ein Furstengrabbhugel de spaten Hallstattzeit bei der Heuneburg. Vol. 1. Berlin, 1962.
- Kanali M.H.* Census of India, Namadal Industry (in Jammu and Kashmir). Delhi, 1966.
- Kaneo M.* Jodai-Gire: 7th and 8th Century Textiles in Japan from the Shosho-in and Horyu-ji. Kioto, 1984.
- Kaplinski K.* Talliner Zunftzeichen (Zunftzeichen als Quelle zur Unterzuchung der Handwerkskontakte der estnischen Stadte) // Internationales Handwerksgeschichtliches Symposium. Veszprem, 1979.
- / *The Early History of Felt* // American Anthropologist 32. 1930.
- Legg S.* The Barbarians of Asia // The Peoples of the Steppes from 1600 BC. New York, 1990.
- Lespinasse R.* De Histoire generale de Paris. Vol. 3. Les metiers et corporations de la ville de Paris XIII–XVIII siecle. Paris, 1897.
- Lindstrom. M.* Medieval Textile Finds in Lund // Textilsymposium Neumunster. Archaologische Textilfunder. Neumunster, 1982.
- Lloyd S. and Mellaart J.* Beycesultan. London, 1962.
- Maik J.* Wroby wlokiennicze na Pomorzu z okresu rzymskiego i ze svedniowiecza. Wroclaw, 1988.
- Makdisi (Mukaddasi), Descriptio imperii Mosleemici,* ed. M.J. De Goeje, B.G.A., Leiden, 1876, 2nd ed., 1906, III.
- Mallory J.P. and Mair V.* The Tarim Mummies. London, 2000.
- Mellaart J.* Excavations at Catal Huyuk. 1965 // Anatolian Studies. 1966. XVI.
- Miller A.* Kloboucnicke remeslo a jeho rozvoj od najstarsich dob az po zacatek velkoprumyslu kloboucnicheho. Kloboucnicke Listy, 1909–1910.
- Neunzehn Taxtilreste* aus dem Durrnberg in Hellein // Jahrbuch des romisch-germanischen Zentralmuseums Mainz 8. 1961. Vol. 13. № 7.
- Pliny.* Natural History.
- Post L. Von, Walterstorff E. Von and Lindqvist S.* Bronsaaldersmanteln freen Gerumsberget i Vastergotland. Stockholm, 1925.
- Riek G.* Der Hochmichele, ein Furstengrabbhugel de spaten Hallstattzeit bei der Heuneburg. Berlin, 1962. Vol. 1.
- Rona-Tas A.* Felt-Making in Mongolia // Acta Orientalia 16, 1963.
- Rubruk/Risch.* Wilhelm von Rubruk. Reisen zum Grobkhan der Mongolen, 1253–1255, neu bearbeitet und erlaudet von Friedrich Risch. Leipzig, 1934.
- Sampula in Xinjiang of China* — Revelation and Study of Ancient Khotan Civilization. Xinjiang, 2001. № 399.
- Schefer, Siasset Nameh,* Traite de gouvernement... par le Vizir Nizam oul-Moulk (P.E.L.O.V.). Paris, 1891–93.

- Schlabow K.* Beitrage zur Erforschung der jungsteitlichen und bronseseitlichen Gewebetchnik // Jahresschrift fur mitteleuropaische Vorgeschichte 43. 1959.
- Schlabow K.* Textilfunde der Eisenzeit in Nord-deutschland. Neumunster, 1976.
- Schlabow K.* Textilien und Leder [Schwarza] // In Rudolf Feustel, Bronseseitliche Hugelgraberkultur im Gebiet von Schwarza (Sudthuringen). 1958.
- Schmoller G.* Die Strassburger Tucher- und Webezuft. Urkunden und Darstellung. Strassburg, 1879.
- Serjeant R.B.* Islamic textiles. Material for a history up to the Mongol Conquest. Beirut, 1972
- Steinkeller P.* Mattresses and Felt in Early Mesopotamia // Oriens Antiquus. 19. 1980.
- Stein A.* Serindia. Detailed Report of the exploration in Central Asia and Westmost China. I.III. Oxford, 1921.
- Stokar W.* Von. Spinnes und Webeb bei den Germanen. Leipzig, 1938.
- The International Study Camp of Felt Art, Bacs-Kishun county. Hungary.
- Tidow K.* Textiltechnische Untersuchungen an Gestricken und Filzen aus der Kloake der Fronerei auf dem Schranken in Lubeck // Lubecker Schriften zur Archaologie und Kulturgeschichte. 1986. Vol. 12.
- Tsarev N.* Ornamented Funeral Felts of Noin-Ula. OCTS. San Fransisco, 2003. Vol. IX.
- Turnau I.* Hand-Felting in Europe and Asia. From the Middle Ages to the 20th century. Warszawa, 1997.
- Vocino M.* Storia del costume. Venti secoli de vita italiana. Rome, 1961.
- Vogelsang-Eastwood G.* Unearthing History. Archaeological Textiles in Egypt. Hali, 1993.
- Wild J.P.* Textile Manufacture in the Northern Roman Province. Cambridge, 1970.
- Ya'kubi.* Kitab al-Boldan / ed. M.J. De Goeje. B.G.A., Leiden, 1892.
- Young R.S.* Gordion Campaign of 1957, Preliminary Report // American Journal of Archaeology 62. 1958.
- Zwei Jahrtausende* Kolner Wirtschaft. Koln, 1975. Vol. 1.
- Авеста* / Под ред. И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.
- Амударьинский клад:* Каталог выставки. Л., 1979.
- Антипина К.И.* Народное искусство киргизов. М., 1979.
- Грязнов М.П.* Аржан. Л., 1980.
- Древнее золото Казахстана.* Алма-Ата, 1983.
- Жданко Т.А.* Народный орнамент / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958. Т. III.
- Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадалов Л.С., ван дер Плихт Й., Семенов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М.* Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: Статистический анализ // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1977.
- Каралькин П.И.* Войлок и войлочные изделия тувинцев / Ученые записки Тувинского НИИ. Кызыл, 1970. Вып. XIV.
- Коновов В.* Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Улы. Л., 1937.
- Краткие отчеты* экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925.
- Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
- Марсадалов Л.С.* Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1977.
- Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв.* Вып. 1. Сюнну. М., 1989.
- Материалы по истории сюнну* (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания В.С. Таскина. Вып. 1, 2. М., 1968
- Материалы по истории Туркмении* и туркмен.
- Муканов М.С.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960
- Студенецкая Е.Н.* Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев / Труды МАЭ РАН. Кавказский этнографический сборник. Л., 1976. Т. 6.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Царев Н.* Текстиль ранних кочевников в собрании Государственного Эрмитажа: Дипломная работа. СПб., 1998.